

ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения». – М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumfak.ru/izdat_shtml/gost76090/gost760901.shtml. 1089.

Kleo.ru. Заставь его жениться! 10 лучших способов выйти замуж. – М., 2013.

Пиз А. Язык телодвижений. – М., 2006.

Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735-1786. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2010.

©*Гоголина Т.В., 2015*

©*Иванова Е.Н., 2015*

М.А. Лаппо

(Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия)

ПОНИМАНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ/АНТИЦЕННОСТИ²⁹

Аннотация: В статье представлены результаты эксперимента, связанного с пониманием конфликтного текста. Во-первых, эксперимент выявил связь между актуальными ценностями / антиценностями и профессиональной ориентацией испытуемых. Во-вторых, установлена корреляция между характеристиками персонажей текста, ассоциированными или неассоциированными с ценностями/антиценностями реципиента, и вектором оценки персонажей – их принятием или непринятием.

Ключевые слова: Лингвистическая экспертиза, конфликтный текст, медиатекст, понимание текста, ценности, антиценности.

Проблема понимания текста изучалась с разных теоретических позиций и вошла, как пишет А. А. Залевская, в число «мировых проблем» [Залевская 2005: 265]. В данной статье объек-

---

²⁹ Исследование поддержано РГНФ. Проект № 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

том моделирования процессов понимания является спорный (конфликтотенный) текст, то есть текст, ставший или могущий стать причиной судебного иска. Лингвист чаще всего сталкивается с таким текстом в рамках производства лингвистической экспертизы или лингвистического исследования. Лингвистическая экспертиза – это процесс экспертного понимания спорного текста, или, как указывает Галяшина, «исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [Галяшина 2006: 19].

Лингвистическая экспертиза всего лишь одна из возможных интерпретаций текста, при этом «ее интерпретаторские функции дополняются и усложняются посредническими» и «осуществляется она в ситуации специфического лингвоправового конфликта» [Кара-Мурза 2009: 49]. Указанный конфликт «протекает как борьба интерпретаций конфликтотенного текста четырьмя сторонами конфликта: его непосредственными участниками (автором текста в роли ответчика и реципиентом в роли истца), которые выступают как «наивные толкователи», прибегающие к правовым критериям описания и понимания, и профессиональными толкователями – юристами и лингвистами» [там же].

Между тем, существует еще одна сторона, в конфликте занимающая пассивную позицию, а в целом, в акте коммуникации – главнейшую, – это адресат текста (читатель или слушатель). Именно читатель текста прежде всего подразумевается судьей в тот момент, когда он, к примеру, отвечает на вопрос «имело ли место умаление чести, достоинства и деловой репутации субъекта описания». В чем сознании происходит это умаление? Так, «дискредитация человека *в общественном мнении* [курсив наш. – М.Л.] и есть унижение чести» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы... 2004: 32]. Репутация же представляет собой оценку «личности *в общественном мнении*, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-/чего-нибудь. Репутация определяет статус человека *в обществе с позиции добропорядочности, представление о нем других людей* [курсив наш. – М.Л.] или представление о себе в собственном сознании» [там же: 31].

Данные определения позволяют сказать, что если у объекта

характеризации (физического или юридического лица) до распространения негативной информации было доброе имя (позитивная репутация) в глазах адресата этой информации, то такая информация воспринимается им как умаляющая³⁰ честь, достоинство, деловую и общественную репутацию объекта характеристики. Однако знание о том, *имелось ли* доброе имя у адресата такой информации или отсутствовало, невозможно установить в ходе лингвистического анализа. Поэтому важным критерием установления факта распространения порочащей информации становится положение о том, в какой языковой форме выражены сведения о совершении предосудительных действий³¹. Высказывания о фактах в форме утверждения оказываются релевантными в данном исследовании, т. к. их достоверность (соответствие / несоответствие действительности) можно установить при помощи документов, свидетельских показаний и т. п.

Не секрет, что лингвистическая экспертиза, призванная провести объективный, специальный анализ спорного текста, как правило, не затрагивает его реальное смысловое восприятие читателями, тот перлокутивный эффект, ради которого и строится текст. В ряде случаев применяются психолингвистические исследования восприятия и понимания спорных текстов (см., например, [Леонтьев 2009]), однако они в силу ряда причин не могут принять массовый характер.

Можно предположить, что понимание спорного текста, в котором прямо или косвенно отражено противодействие конфликтующих сторон, будет неоднозначным. В связи с тем, что вариативность понимания зависит от индивидуальных установок и мотиваций [Караулов 1987: 166], действенным инструментом для изучения механизмов понимания текста становится анализ

---

³⁰ Буквально: *делающая честь, достоинство и репутацию меньше*.

³¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения».

мотивационно-ценностной базы реципиента как *опоры понимания*. По М. М. Бахтину, понимание носит диалогический характер [Бахтин 1979], это один из видов человеческой активности, осуществляемой в рамках социальных отношений. А, как указывает Е. Ф. Тарасов, «любые совместные действия людей, осуществляемые в рамках социальных отношений, соотносятся с категорией должного, и, следовательно, получают оценку» [Тарасов 2012: 10]. «Мировоззренческие универсалии» [Степин, Толстых 2007], базирующиеся на знании о должном или возможном и позволяющие оценивать нечто как плохое или хорошее, Е. Ф. Тарасов соотносит с категорией общечеловеческих ценностей. Поскольку мировоззренческие универсалии задают способ понимания всех надбиологических программ [Степин, Толстых 2007], то и способ понимания текста всегда задан ценностями субъекта понимания. Исходя из всего вышесказанного, можно констатировать, что имеющиеся ценностные установки у субъекта понимания текста – это одна из существенных опор в процессе понимания текста: *нечто хорошо или плохо, т. к. для меня это хорошо или плохо, как если бы я был участником данной ситуации*.

Очевидно, что в структуру понимания спорных текстов, становящихся причиной судебных исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, входят два важных компонента: а) нормативная оценка поведения персонажа – *хорошо* или *плохо* он поступил; б) этическая оценка действия автора – *хорошо* или *плохо* об этом говорить, в том числе возможно ли использовать те или иные единицы языкового кода. Реципиент может проявить эмпатию, эмоционально присоединиться к любому участнику реального или потенциального конфликта, отраженного в читаемом им тексте или вызываемом самим фактом его публикации.

Эксперимент, результаты которого представлены в данной статье, ставил своей целью выявить взаимосвязь ценностных установок и особенностей понимания спорного текста. К работе были привлечены студенты Новосибирского государственного педагогического университета: студенты-психологи (1-2 курсы, 22 человека) и студенты-журналисты (1 курс, 22 человека).

На первом этапе испытуемым предлагалось выбрать из предложенного списка 5 слов, обозначающих ценности («важные, значимые категории для общения, для жизни в целом»), и 5 слов, обозначающих антиценности («ненужные, мешающие общению, ухудшающие жизнь явления»). Слова, называющие 38 ценностей и 30 антиценностей, обозначенные социологами как наиболее важные в российской сознании [Базовые ценности россиян... 2003], были расположены нами по алфавиту без указания на их статус: *агрессия, бедность, бездуховность, беззаконие, опасность, безответственность, безработица, болезнь, вера, взяточничество, власть, внимание к людям, война, вырождение, глупость, доверие, долг, достаток, дружба, жестокость, зависть, загрязнение, законность, здоровье, известность, корысть, лень, любовь, месть, милосердие, мир, могущество, надежда, наркомания и алкоголизм, независимость, непрофессионализм, неудача, обман, образование, одиночество, подлость, покой, порабощение, порядочность, природа, профессионализм, равенство, развитие, разврат, разобщенность, родина, свобода, святотатство, семья, слабость, смысл жизни, согласие, сотрудничество, справедливость, стабильность, творчество, труд, убеждения, уважение к родителям, удовольствии, успех, хамство, черствость.*

Наиболее часто выбираемые ценности и значимые различия в их выборе журналистами и психологами показаны на рис. 1: «уважение к родителям» – 77,3 % у психологов и 27,3 % у журналистов, «здоровье» – 68,2 % у психологов и 40,9 % у журналистов, «семья» – 68,2 % у психологов и 45,5 % у журналистов, «смысл жизни» – 40,9 % у психологов и 18,2 % у журналистов, «творчество» – 9,1 % у психологов и 27,3 % у журналистов, «профессионализм», «известность» и «успех» – 0,0 % у психологов и 22,7 % у журналистов. Указанные различия можно объяснить спецификой будущей профессии и формирующимися в связи с ней различными психологическими установками. Однако важные ценностные категории, связанные с психологическими и социальными потребностями людей данного возраста (18–20 лет): «любовь» – 45,5 % у психологов и 50,0 % у журналистов, «дружба» – 36,4 % у обеих групп.

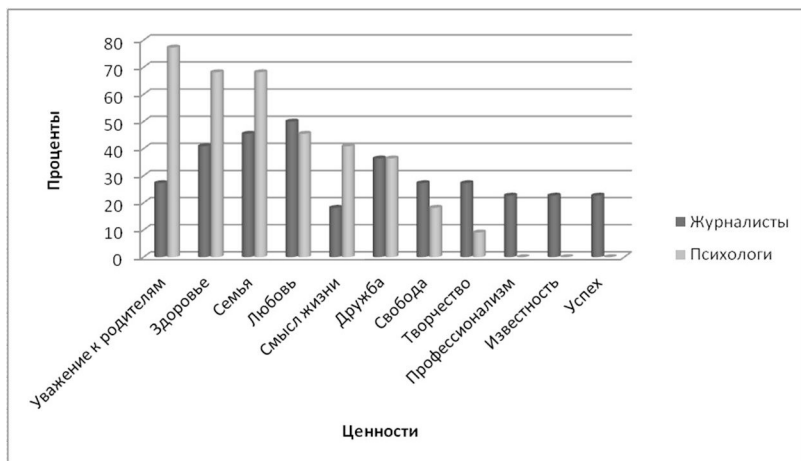

Рис. 1. Ценности у журналистов и психологов

Наиболее часто выбираемые антиценности и значимые различия в их выборе журналистами и психологами показаны на рис. 2. Часть выборов поддается рациональному объяснению. Так, разница в оценке «наркомании и алкоголизма» (50 % у психологов и 27,3 % у журналистов) связана с акцентом на психическом здоровье в деятельности психолога, а внимание на категории «лень» у журналистов (31,8 %) по сравнению с невысоким выбором у психологов (4,5 %) обусловлено необходимостью порождения уникальных текстов, что делает работу журналиста заведомо более сложной в аспекте производительности труда. Психологи обращают внимание на более абстрактные категории духовного здоровья социума («агрессия», «разврат», «святотатство»), а журналисты – на более конкретные проявления негатива в человеческой коммуникации («черствость», «хамство», «обман»). Журналисты и в выборе антиценностей проявляют более высокий уровень заботы о своей успешности и признании (ср. «одиночество» – 4,5 % у психологов и 18,2 % у журналистов, «бедность» – 0,0 % у психологов и 22,7 % у журналистов). Схожесть выбора категории «война» (59,1 % у психологов и 50,0 % у журналистов) можно объяснить текущей военно-политической напряженностью в Европе.

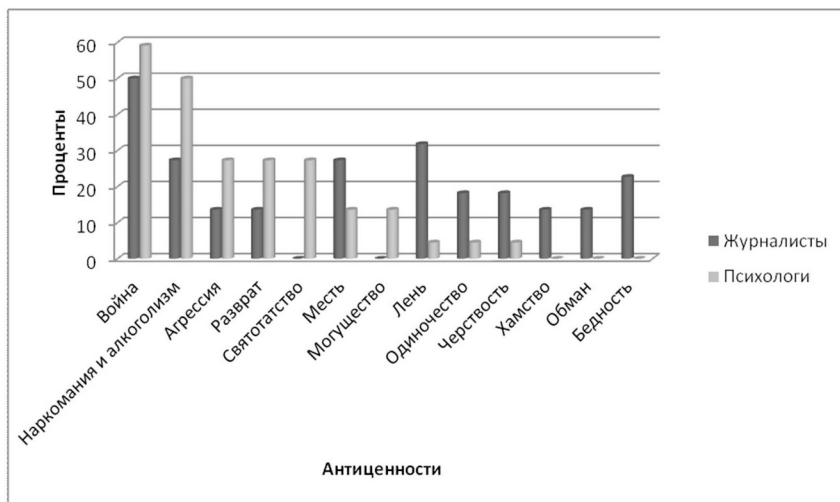

Рис. 2. Антиценности у журналистов и психологов

Помимо прочего, эксперимент привлек внимание к амбивалентному характеру некоторых категорий. Например, понятия «власть», «могущество», «известность», «долг» студенты относили и к группе ценностей, и к группе антиценностей. Некоторые из них («власть», «долг») попадали в разные группы по причине своей многозначности, другим («известность») приписывались разные коннотации в силу специфики личности реципиентов.

Второй этап представлял собой прочтение спорного текста, посвященного описанию опыта включенного наблюдения и опубликованного в газете «Комсомольская правда». Содержание статьи можно свести к следующему. Журналист, желая выявить мошеннический характер деятельности одного практикующего тренера, заключил в частном порядке, т. е. не сообщая о том, что он журналист, контракт на оказание его услуг. В конце занятий автору статьи выдали сертификат, свидетельствующий о том, что он прошел данный курс занятий, в то время как тот утверждал, что его не обучили заявленным в рекламе навыкам. Описание этой истории получения услуг ненадлежащего качества сопровождается ироническими, ерническими комментариями журналиста. В качестве существенных аргументов при-

влекается мнение экспертов, которые принципиально опровергают эффективность используемой методики. Таким образом, статья носит дискредитирующий характер, журналист на подтекстовом уровне причисляет тренера к мошенникам.

На третьем этапе после прочтения текста студентам нужно было ответить на ряд вопросов:

С какими словами из представленного списка ассоциируются действия описываемого персонажа (не более 5 слов)?

С какими словами из представленного списка ассоциируется деятельность журналиста (не более 5 слов)?

В какой степени (от 1 до 10) вы согласны с действиями журналиста в данной ситуации? 1 – абсолютно согласен, 10 – абсолютно не согласен. Поясните свой ответ.

Какова цель статьи, на ваш взгляд?

Значимых различий между пониманием действий тренера и журналиста у студентов-психологов и студентов-журналиста обнаружено не было. Так, действия тренера в большей степени были связаны с понятиями *обмана, подлости, корысти, непрофессионализма*, а действия журналиста – *доверия, глупости, внимания к людям и надежды*. Почти полное единодушие наблюдалось и в формулировке цели статьи: «журналист хотел предупредить людей о подобном мошенничестве», «на своем горьком опыте продемонстрировать опасность посещения таких занятий».

В то же время, кроме ответа на вопросы «что делал журналист?», «зачем он это делал?», имеется актуальный вопрос «как он это сделал?». Именно способ достижения цели вызвал сомнения в его правомерности у субъекта описания рассматриваемой статьи. Поэтому среди других вопросов в его исковом заявлении спрашивалось: *Содержится ли в статье негативная информация, оскорбительные высказывания в адрес истца о его деловой репутации, порочащие его честь и достоинство? Способствуют ли стилистические особенности и композиционные приемы, примененные в опубликованной статье, созданию общего негативного образа истца?*

Если правовая оценка вербальных действий журналиста, как уже говорилось выше, будет опираться на вербальный способ

выражения негативной информации – утверждение о факте или мнение, предположение о чем-либо, то этическая, неюридическая оценка редко связана именно с этим. Проведенный эксперимент позволил установить следующую закономерность: приписывание или неприписывание действиям персонажей слов из списка ценностей и антиценностей, выбранных как важных, кардинальным образом влияет на оценку действий журналиста. Причем студенты-психологи, ассоциирующие поведение персонажей со значимыми для себя категориями, поощряли поведение журналиста, относились к нему не критично, а не связавшие поведение персонажей с приоритетными для себя понятиями отнеслись к журналисту критично. В ответах последних присутствовали такие комментарии: *я бы никогда не пошла на подобные курсы, не стоит верить шарлатанам; сразу было очевидно, что данное объявление о курсах глупое, ненужное* и т. п. Представляется, что читатель способен более трезво оценить действия персонажа, если текст не затрагивает его ценностей.

Студенты-журналисты продемонстрировали прямо противоположную стратегию: ассоциирующие поведение персонажей со значимыми для себя категориями критиковали поведение журналиста, а не связавшие поведение персонажей с приоритетными для себя понятиями позитивно отнеслись к его поведению. Первые указывали, что *журналистка ради своего материала подверглась опыту и теперь люди будут относиться к подобным объявлениям более настороженно*, вторые писали, что *всем давно известно про аферистов, очень глупо было так поступать*. Таким образом, студенты-журналисты становились более критичными к поведению коллеги, если тема статьи затрагивала их ценностный мир, в отличие от психологов, которые критиковали автора статьи, когда могли отстраниться от значимых для себя явлений. Кроме того, «доверие» как связанная с поведением журналиста ценностная категория получает различные коннотации в зависимости от позитивной или негативной оценки его действий: при сочувствии к нему – положительные (*доверять – это хорошо*), при критике – негативные (*нельзя быть таким доверчивым*).

Анализ результатов эксперимента позволил прийти к сле-

дующим выводам: во-первых, отдельные понятия разными испытуемыми могут быть отнесены как к категории ценностей, так и к категории антиценностей; во-вторых, если действия персонажа или журналиста ассоциировались с ценностями или антиценностями высокого ранга для испытуемого, то к действиям журналиста студент-психолог относился менее критично, поддерживая их, а студент-журналист, наоборот, их критиковал; наконец, процесс анализа, интерпретации спорного текста может стать способом *овнешнения* (Е. Ф. Тарасов) общечеловеческих ценностей и антиценностей.

ЛИТЕРАТУРА

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Под ред. А. В. Рябова, Е. Ш. Курбангалиевой. – М., 2003.

Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.

Галашина Е. И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.

Залевская А. А. Проблемы понимания текста // А. А. Залевская. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005. С. 265–472.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. 1 (27). С. 47–71.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Леонтьев А. А. и др. Понятие чести и достоинства: психолингвистический анализ. – М., 2009.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М., 2004.

Степин В. С., Толстых В. И. Поиск новых ценностей и стратегии развития // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческий и социокультурный аспект / Отв. ред. В. С. Степин. – М., 2007. С. 15–16.

Тарасов Е. Ф. Проблемы анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–17.

©*Ланно М.А., 2015*

Б.Ю. Норман (*БГУ, Минск, Беларусь*)

А. Носрати (*Иран*)

РЕЧЕВОЙ АКТ ПОЖЕЛАНИЯ ПОД ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ

Аннотация: В рамках экспрессивов анализируется речевой акт пожелания в русском языке. Систематизируются используемые при выражении пожелания грамматические конструкции (выделяются 8 типов). Выстраивается лексическое поле дезидератов (объектов пожеланий), с ядром и периферией. Описываются социопсихологические предпосылки и условия пожеланий, делается вывод об их ритуализованном характере.

Ключевые слова: речевой акт, экспрессивы, пожелание, интенция, дезидерат, стереотип

Теория речевых актов, столь популярная сегодня среди лингвистов, восходит, как известно, к идеям английских и американских логиков и философов языка. В центре этой теории – речевое действие и соответствующая ему интенция (намерение) говорящего. Вопрос о классификации речевых актов на сегодняшний день остается открытым, так как не решено, что именно классифицировать (речевые акты или речевые средства, в частности глаголы), а также на каком основании и как подробно их классифицировать, а также чем отличается речевой акт от жанра речи т.п. В данном случае мы примем за исходную точку типологию Дж. Серля, выделившего 5 типов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Серль 1986: 181-188].

Понятно, что каждый речевой акт допускает более детальное членение. В частности, об экспрессивах в статье Серля говорит-